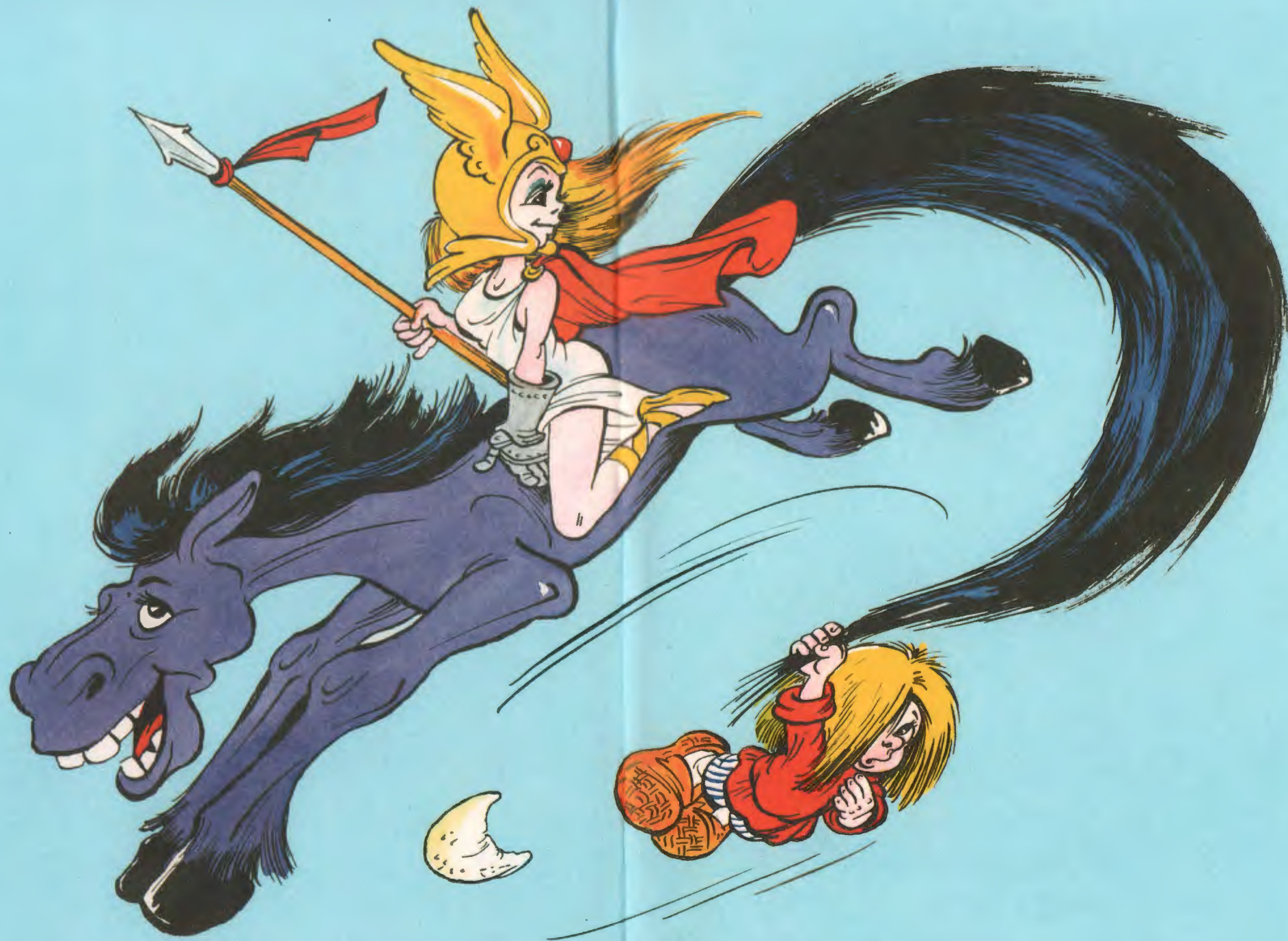

Б И Б Л И О Т Е К А   Ш К О Л Ь Н И К А

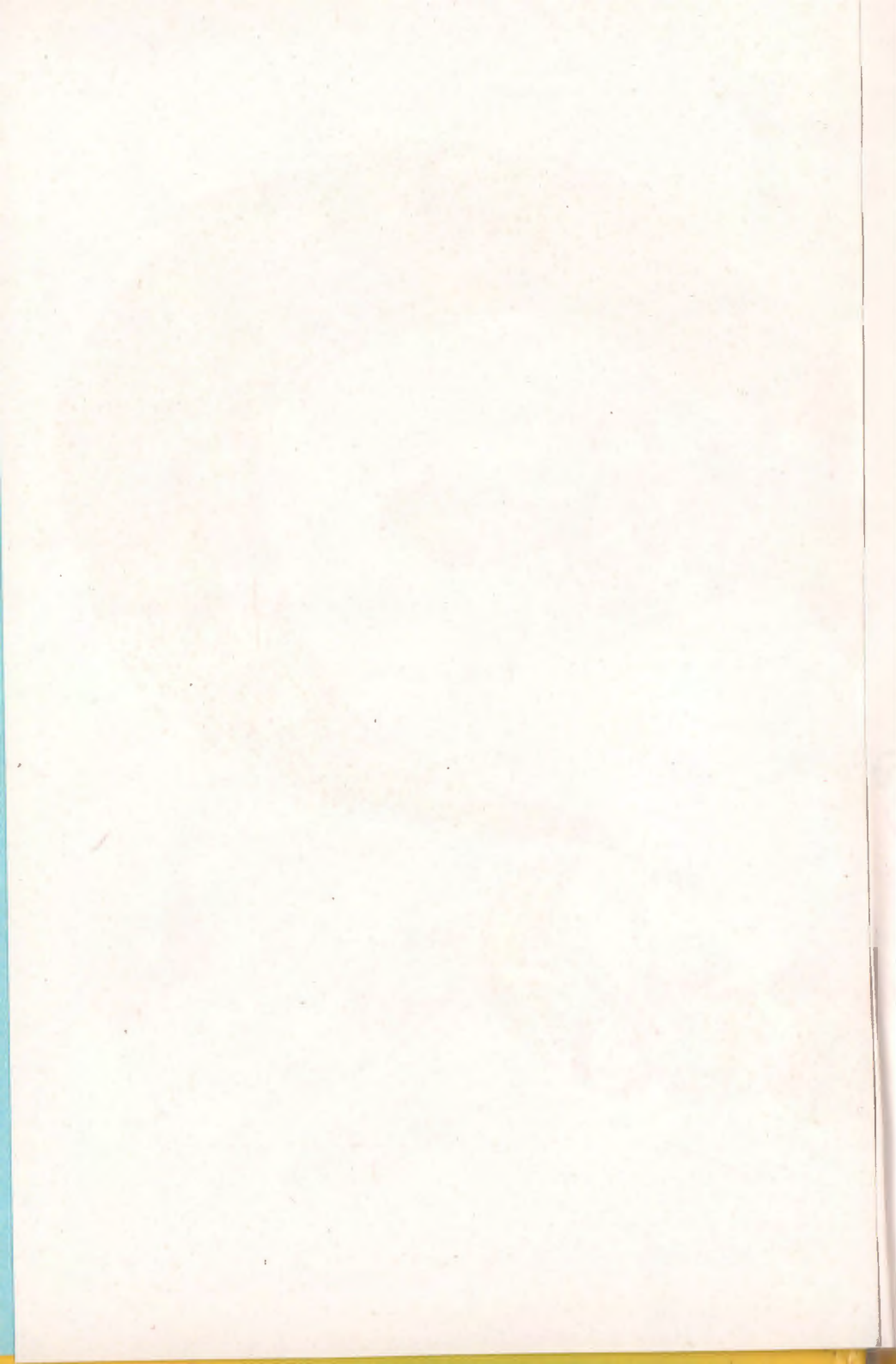
Т. Александрова

Путешествие Домовёнка Кузьки

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Людмила
Домовенко
Кувшны

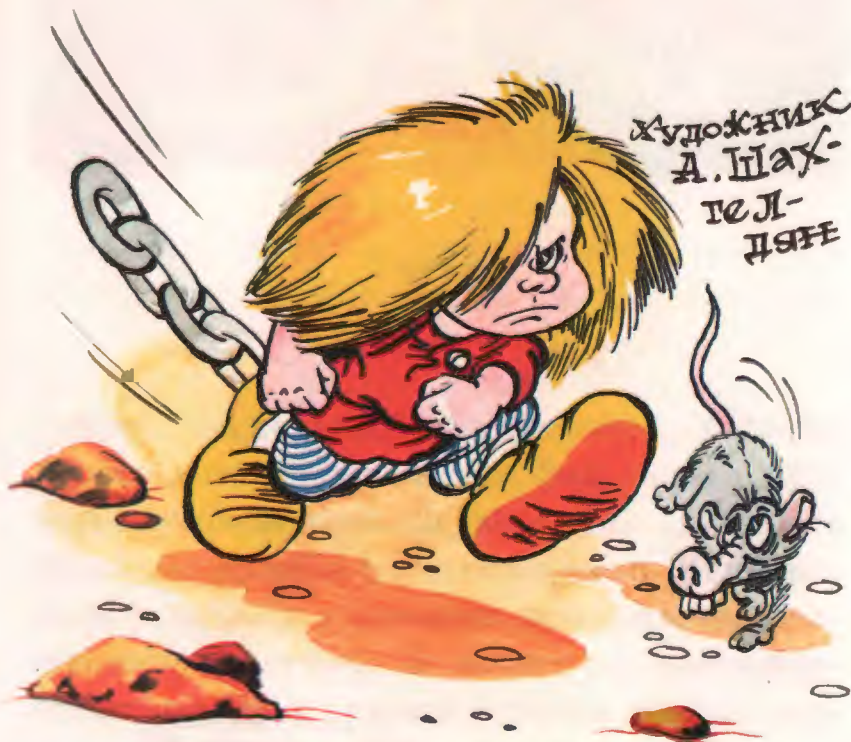
«СТРЕКОЗА-ПРЕСС», 2003

Г. Александрова

Путешествие Домовёнка Кузьки

художник
А. Шах-
тел-
дые

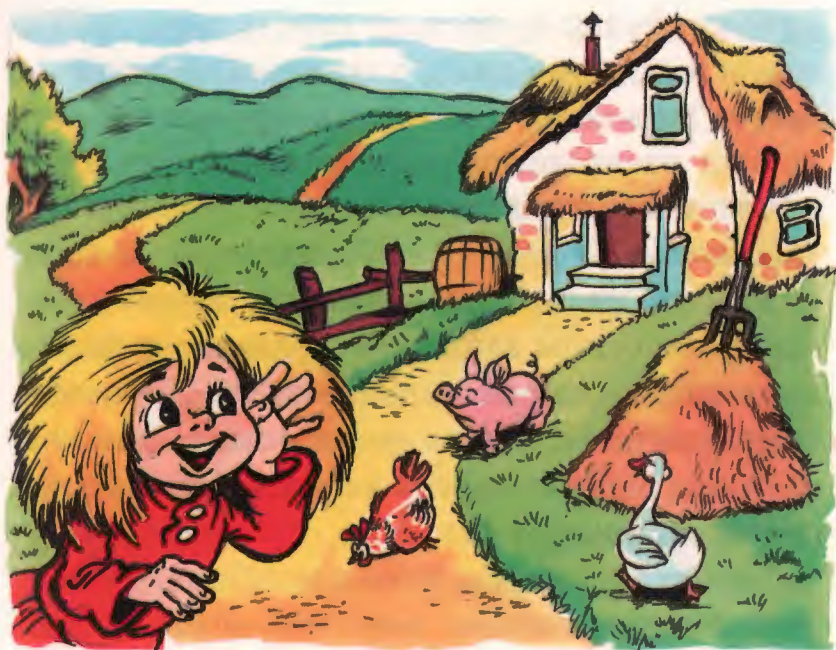
«СТРЕКОЗА-ПРЕСС», 2003

ББК 84(2)
А 46

ISBN 5-94563-159-0

© Г. Александрова, 2003
© Илл. А. Шахгелдян, 2003
© Издательство «Стрекоза-Пресс», 2003

Глава 1

Обычные дела

Кузя, маленький домовеночек, был не просто домовеночком. Он был самым лучшим домовеночком на свете. Так думал сам Кузя, так думали и все его друзья. Конечно, может ли быть у простого домовеночка волшебный сундучок? И может ли жить простой домовенок в самом лучшем доме на свете — ярком, новом, с красивыми русалками

на ставнях? У Кузи был волшебный сундучок и хозяйничал он в лучшем домике на свете. Только он и не думал важничать. Кузя был очень домовитым, а потому целыми днями только и делал, что всем помогал.

Помогал Кузя своим хозяевам — то полы подметет, то горшки начистит, то коняшке гриву колоском заплетет. Хозяева на своего домового не могли нарадоваться. Хорошо в доме, уютно. И всегда — радостно. Да как и не быть радостно, когда в их доме сундучок с радостью хранится?

Стенки у сундука хоть и кованые, да тонкие. Радость сквозь них так и протекает. Слякоть ли на улице, мороз ли, а в доме знай пироги пекутся да песни поются. А от такого счастливого дома и вся деревенька счастьем заражается.

Заедет случайный путник в деревеньку и дивится — не нарадуется. Все-то домики опрятные-аккуратные, во саду-то цветочки-лепесточки. А жители все румяные да приветливые. Парни все в красных рубахах, а девушки — в голубых сарафанах. Как пойдут вечером за околицу хороводы водить да песни петь — сердце радуется. И идет эта радость по всей земле.

Попытался как-то злой волшебник украсить эту радость, да только не получилось у него ничего. Кузя собрался со своими друзьями и спас землю от слез и печали.

И за все за это его все любят и уважают, а хозяева ему всегда блюдечко с медом оставляют, чтобы он мог и сам полакомиться и гостей-домовых угостить.

Так и жил Кузенька, поживал в своем лучшем на свете домике на зеленой полянке. Встанет утром рано с первыми петухами и тянет маленькую хозяйку за косу:

— Вставай, лежебока! Полы не метены, обед не сварен! А на таких-то харчах мы до осени не протянем!

Вставала девочка Анютка, росой умывалась, пояском обвязывалась и ну по горнице плясать, да дела все делать. А работа у нее в руках кипит-спорится. Тут и бабушка Настя проснется-потянется. Посмотрит на внучку, порадуется:

— Уж и за водой сходила? Вот егоза! Умница, внучка!

А Кузька уж сидит у коня на спине и гриву ему чешет. Придет хозяин коня запрягать да в поле ехать, глядь — конь уж сытый да веселый, с копытца на копытце перескакивает и

глазом весело косит. Сам на работу просится!

Уйдут все в поле, а Кузька в огороде. Раздаст щелбанов прожорливым гусеницам, да гладит-тянет капустные листочки, чтобы быстрее росли.

К обеду проголодается наш Кузя, устанет. А уж бабка Настя пирог румяный из печи вынимает. Кузин любимый, с творогом. Сядет Кузя на перекладинку под столом и пирогом лакомится. А пирог — вкуснющий, такого Кузя и у Бабы-Яги в гостях не едывал.

Так и жили-поживали потихонечку. Иногда у Кузи был выходной от домашних дел и

тогда он шел в лес, навестить своих старых друзей. Побродит он по лесным полянкам, походит, да набредет на своего дружка — маленького лешонка Лешика. И давай они с ним всякие забавы выдумывать. То белке орешки помогут на зиму хорошенько спрятать, то ручейку дорожку от листьев-веточек очистят, то маленького птенца-несмышленыша в гнездо родителям вернут.

Иногда ходили на речку, с русалками в салки играть. Только с ними тяжело было: они нырять-плавать любят, а у Кузьки голова тяжелая, мохнатая. Нырнет он за русалками, а назад всплыть не может. Голова у него под водой останется, а лапти наружу торчат. Вот он барахтается, ногами сучит, пузыри пускает, а вынырнуть не может. Тогда добрый дядька Водяной его на бережок песчаный волной выплеснет. Сидит Кузя, от воды икает. Рубаха мокрая, лапти чавкают, а в волосах лохматых маленький лягушонок запутался — квакает и язык показывает.

А русалки-проказницы знай смеются-заливаются. Треплют Кузю, щекочут, да приговаривают:

*Домовенок, домовенок,
Словно маленький ребенок:
В речку быструю нырнул
И чуть-чуть не утонул!*

Кузя послушает их, послушает, махнет рукой и уйдет от них подальше в лес. А подальше в лесу Баба-Яга живет. Скучает она по Кузьке — некому пироги в ее доме для хорошего настроения есть. Печка плачет-расстраивается:

— Все я пеку-жарю, а толку никакого! Хоть бы гостей ты, Баба-Яга, пригласила!

— Да кто ко мне в гости пойдет? — причитала Баба-Яга. — Все меня боятся.

— Сама виновата, — обижалась печка и начинала кислые пироги да ватрушки без тво-рога печь.

Кузя хоть и обижен был на Бабу-Ягу за ее с ним обращение, но добрый он был, а потому жалел и Ягу, и печку. Приходил иногда к ней в гости в дом для хорошего настроения, чаю попить, и Лешонка с собой приводил.

Рада была Баба-Яга радешенька:

— Яхонтовые вы мои!
Изумрудненькие! На-
вестили, не забыли
бабку старую! Сей-
час я вам пирожка
сладенького дам, да
киселек медовый на-
лью!

Но надолго они
у бабки не задерживались. Стара она стала,
и настроение у нее и в этом доме стало пор-
титься быстро. Поэтому выпивали они всего
по три чашки душистого чая и в дорогу со-
бирались. А Баба-Яга им еще и в дорогу сла-
достей давала. Завяжет в узелочек, повесит
на посошочек и отдаст Кузе.

Кузя котомочку на плечо и
по дорожке — в деревню.

Лешенок проводит
его до опушки и
долго вслед лапкой
машет.

Так жил и пожи-
вал Кузя, и день шел за
днем, а год за годом.

Глава 2

Большой мир

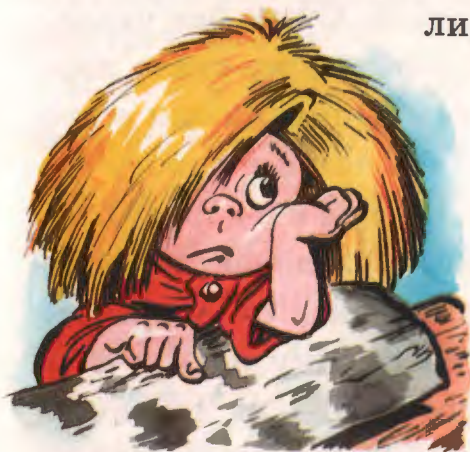
Только вот стал Кузя все чаще скучать и грустить. Встанет он с утра, а Анюту будить неохота. Пойдет в конюшню, а конь ему некрасивым покажется. Испечет бабка Настя пирог, а есть его Кузя не может. Приходили к нему друзья и думали, не заболел ли домовенок? И малинового варенья ему приноси-

ли, и травы заварива-

ли, и в шерстяном носке спать заставляли. Только все это было напрасно — Кузя все грустнее становился, все задумчивее. И никуда-то он не ходит, ни

с кем не играет. Сидит, щеку рукой подперев, да в окно смотрит.

Увидят его грустное личико издалека русалки и ну плескаться в речке, хвостами брызги поднимать. Мол, иди к нам, в салки поиграем! Не смотрит в их сторону Кузя, не хочет играть.

Придет к нему в гости Лешонок, принесет пирогов от Бабы-Яги да лукошко орешков от белочки. Начнет последние лесные новости рассказывать, а Кузя его не слушает. Расстроится Лешонок, позеленеет еще больше и в лес бредет.

Пополз слух по всему лесу, по всем деревенькам, что напала на Кузю тоска зеленая. Узнала дорогу к его дому, подкралась ночью и свила гнездо у него под сердцем. Дошел слух этот до родной Кузиной деревни, где домовенок раньше со своими друзьями и родственниками жил. Узнал об этом и друг его старый Вуколочка. Собрался в дорогу и вскоре пришел в погрустневший домик Кузьки.

Посмотрел Вуколочка на дружочка своего закадычного и не узнал сперва. Похудел Кузя, осунулся, ручки как плети висят, а глаза, как дождик, серые. Взял Вуколочка Кузю за руку и, как тот ни упирался, вытащил его на крутой речной бережок — закатом любоваться.

Смотрели они долго, как солнышко за лес садится, как тучки золотые за край неба бегут. Молчал Кузя и горько вздыхал. А потом и говорит:

— Эх, хорошо быть солнцем или тучкой — можно за край земли заглянуть.

И понял тогда Вуколочка, что просто заскучал его друг без приключений. Как не заскучать? Злые волшебники уgomонились, никто больше не вредничает, зло не творит. Жизнь идет чередом, зима сменяет лето. А Кузе настоящей сказки хочется. Спросил Вуколочка у друга, правильно ли он догадался? Кузя голову повесил и говорит:

— Так и есть. Хочу новенького и интересенького, а где его взять? Все вокруг знакомое, все вокруг — мое. Так и помру от тоски зеленой.

Вуколочка думал, как же друга своего развлечь, и придумал. Взял и рассказал ему, что на самом деле мир большой-пребольшой. И есть на свете, кроме их деревенок и леса, еще много интересного и волшебного. Есть другие деревни и еще — города, в них другие люди живут и по-другому. Есть люди, у которых даже печки нет, а изба круглая. Посреди избы огонь горит, а на улице — всегда зима и всегда ночь. А есть еще люди черные, как в ваксе перемазанные, и ходят они зимой и летом совсем голые, потому что у них жарко. И

черные они потому, что они к солнцу ближе всех живут, вот и обгорели, как в печке.

Слушал Кузька друга, раскрыв рот, а потом и говорит:

— Откуда ты это все знаешь? Поди, придумал сам!

— Ничего я не придумывал! — обиделся Вуколочка. — Просто приходил к моим хозяевам гость. Он везде бывал и все видел. Он это и рассказывал.

Удивился Кузя, задумался. А потом как заулыбается-запляшет.

— И я тоже пойду далеко-далеко и увижу, что никто никогда не видел! А потом вернусь и вам расскажу!

Решить-то он решил, а как пойдешь далеко? Людям хорошо, у них ноги вон какие длинные! Шагнул разок, шагнул другой — глядь, а ты уже на другой стороне света, куда солнце по ночам спать уходит. А у Кузи ножки короткие, шажки маленькие. Куда с такими дойдешь? Только до Страшного леса, где злое эхо живет и мох-бородун. А там тебя ночь догонит, сон сморит и усталость повалят. Далеко ли так уйдешь?

Опять загрустил Кузька пуще прежнего.

Лежит целый день за печкой, нос не высовывает. Только слышит раз между хозяевами разговор. Оказалось, что хозяин на ярмарку собрался, горшки продавать, пряники покупать, людей посмотреть да себя показать. А до ярмарки далеко — день на телеге, да еще ночь — на коне. Обрадовался Кузька — вот кто его до большого мира довезет!

Подскочил он со своей лежанки и давай в путь-дорогу собираться. Причесал ладошкой свои лохматые волосы, протер кулачками свои заспанные глазки, положил за пазуху краюшку хлеба, а к сундучку своему приделал лямки-держалки. Сундучок Кузя не мог дома оставить без присмотра — украдут-потеряют, что потом делать? Да и на свете много сказок без присмотра ходят-бродят. Может, согласятся у него в сундучке жить, людей веселить?

Собрался Кузя, со своим хозяйством попрощался, на три стороны поклонился да пошел к возу с горшками, что уж у ворот стоял. Забрался по длинному лошадиному хвосту на возок и стал искать себе жилище временное поуютней. Нельзя домовому без домика, хотя бы и временного. А то как путешество-

вать? Того и гляди ветер сдует или веткой случайно смахнет по дороге — что делать тогда?

Стал Кузя по возу прохаживаться, осматриваться, горшки ручками оглаживать да примериваться — который из них ему больше всего подойдет? Домик для Кузьки на время должен быть тоже самым лучшим на свете.

Подойдет к одному кувшину Кузенька, постучит по нему ножкой:

— Нет, не годится! Мой звонок, как колокольчик, а этот гудит, как старая корова!

Идет дальше, горшок руками охватывает:

— И это не он. Мой кувшин должен меня поместить да еще для гостей места оставить. А в этом мышонок удавится.

Видит третий горшок.

— А в этом только поросятам еду готовить, а не домовенку жить — уж больно он простой.

И вот глядит Кузька и видит: стоит перед ним не горшок, а чудо чудное. Сам большой да пузатый, стеночки звонкие да прочные, а расписной — как пряник мятный. Кузька аж рот открыл-засмотрелся.

— Ну, горшок — всем горшкам горшок! Людям на загляденье, домовым на зависть. Тута я и жить стану, пока до ярмарки не доберусь!

Сказано — сделано! Взвалил Кузя свой сундучок на спину и полез в горшок. Пыхтит, ползет, за витušки-узорчики цепляется, ножками упирается. Залез на вершину кувшина, осмотрел мир с его высоты. Хорошо-то как! Поля-луга расстилаются, по ним туман

пробирается, роса блестит, а солнышко розовое из-за деревьев поднимается, спросонья глаза трет.

— Эх, красотища! — сказал Кузя, зажмурился да как прыгнет в кувшин!

А в кувшине мягонько сенцем дно было выстлано, будто здесь Кузьку поджидали. Это хозяин позаботился, чтобы кувшин на кочках не разбился, до ярмарки цел-невредим остался.

— Ну, теперь и ехать можно! — сказал Кузя.

И не успел он так сказать, лошадка копытом стукнула по земле, тележка дернулась и поехала. Хорошо стало Кузе, радостно. Но вскоре укачался он на кочках-дорожках и сладко уснул.

Глава 3

Ярмарка

Спал-спал Кузька и проснулся. От шума проснулся, от гама. Переполошился, вскочил, ничего не понимает. Думал пожар начался. За сундучок схватился и бежать. Да

как бы не так! Лбом стукнулся о что-то твердое и звонкое. Вот оно звенит-говорит:

*Дили-дили-дили-бом,
Ты зачем бодаешь лбом?*

Сел Кузька, лоб потирает и птичек, что вокруг головы летают, считает. Наконец, успокоился и понял, что не в доме своем проснулся за печкой, а внутри кувшина, в котором он на ярмарку поехал. Обрадовался Кузька, к шуму прислушался и понял, что все, приехали!

И давай он кряхтеть да прыгать, из кувшина вылезать. Долго карабкался и наконец выкарабкался. Сел на краю кувшина, глаза щурит, ногами болтает — к белому свету приывает. Как привык — огляделся и удивился.

А народу вокруг видимо-невидимо. Товаров всяких разных — игрушек цветных, капусты зеленой да сластей сахарных — разложено да развешано столько, что за день не разглядеть да за жизнь не перепробовать.

— Вот это да! — удивился Кузя.

И тут же спохватился:

— А что это я тут расселся, как сидень-колода?! Так я белый свет посмотреть не успею, людей посмотреть и себя показать!

Спрыгнул он на землю и пошел куда ему вздумалось. Только хлопотно идти ему было: зазевайся только, и сапогом раздавят или колесом наедут.

— Так я недалеко уйду! — испугался Кузя. — Растопчут, раздавят меня и некому даже будет поплакать над моими белыми косточками.

Что же делать маленькому домовенку на большой ярмарке? Залез Кузя под свою телегу и думает. И видит тут хозяина своего. Уцепился Кузя за кушак и взобрался к нему в карман. Так по белому свету путешествовать куда как лучше!

Он устроился в кармане поудобнее. Там было темно и тепло и пахло табаком. Кузя даже зачихал:

— Вот развели пылицу! Сразу видно, что в этом кармане никаких домовых отродясь не жилось!

Прочихавшись и прокашлявшись, Кузька высунул свой любопытный нос из кармана и стал глазами-бусинками смотреть на белый свет, на ярмарку.

И чего тут только не было! Кто-то покупал, кто-то продавал, а кто-то просто так приехал, развлечься-потешиться. Вон дети на карусели катаются, на деревянных коняшках туда-сюда раскачиваются. Лица румяные, а в руках — леденцы на палочках.

— Вот это да! — закричал Кузя, — вот это лошадки! Глаза стеклянные, а ноги деревянные. Да все по кругу бегает, наверное, дороги не знают. Не стал бы я таким косы заплетать.

А вон люди в мешках прыгают, от натуги промокли:

— Эй, мужички! У вас ноги в дерюжке запутались! Вылазьте из мешков — снова сможете как люди ходить!

Но не слышат мужички Кузю, прыгают, как зайцы, да еще и смеются.

А вон народ столпился да так головы позадрал, что аж шапки на землю попадали. А куда же они смотрят? Да на парня босого голопузого, который на столб как гусеница лезет. Наверху — сапоги висят. А столб скользкий, гладкий. Так парень полезет-полезет немножко, да и обратно сползет.

— Эх ты, тюря! Метр едем — два стоим! Этак ты свою обувь со столба никогда не снимешь, домой босиком пойдешь! Да и кто придумал разуваться в таком странном месте?

А еще Кузя увидел великана. Он слышал о них в

сказках, но наяву ни разу не видел. Великан был большой, как гора, мускулистый, как медведь. Стоял, уперев руку в бок, и камень вверх подкидывал.

— Не знал я, что великаны такие глупые! Эй, человек-гора! Не летают камни, а только в речке тонут да в болоте проваливаются.

Дивился Кузя на людей, удивлялся. Все тут не так, как он привык. Чудеса творятся, да и только. Но самое грустное, что не встретил здесь Кузя ни домовых, ни леших.

— Видно, только у нас они живут, и больше нигде, — загрустил Кузя.

И решил, что нет в большом мире ничего хорошего. Что ж хорошего, когда домовых нет? И только он так подумал, как увидел маленьких человечков. Человечки сидели на

стенке и верещали тонкими противными голосами.

У одного из них был большой и толстый нос, как у Бабы-Яги, а на голове колпак расписной. Другой был

рогатый, как корова, черный, как ворона, а вместо рук у него были копыта, как у козы.

— Вот какой странный! Откуда ж он к нам приехал? — задумался Кузька. И вспомнил, что ему Вуколочка про черных людей рассказывал. — А, так это вот кто ближе всех к солнцу живет!

И так Кузе захотелось поговорить с чужестранцем, поспрашивать о его житье-бытье, что выскочил он из хозяйского кармана и побежал в сторону маленьких людей.

Добрался Кузька до стены деревянной, на которой они сидели, голову задрал и давай кричать:

— Эй, гости дорогие! Спускайтесь сюда, поговорим-побеседуем!

Только не слышали его чужеземцы или не понимали. Решил тогда Кузька сам к ним пробраться. Лез по стене, карабкался. Пока залез, их уж и след простыл. Заглянул Кузя за стенку, а там мужичок рыженький их в коробку укладывает.

— Вот это да! — решил домовенок. — Как их спать ранехонько укладывают.

Сполз он со стены и решил их разбудить-

расспросить — авось не выгонят. Пробрался к коробу, приподнял ивовую крышку и внутрь заглянул. Лежат незнакомцы на боку, не шевелятся.

— Эй, — позвал Кузя, — ребята, пойдемте в салочки играть и леденцы есть, а то скучно здесь больно.

Ни ответа, ни привета.

— Уснули, — подумал домовенок.

Подошел тихонечко, да за плечо потряс. Потряс за плечо, а оно тряпочное. И тело — тряпочное. А голова — деревянная.

— Вот это да! — подумал Кузя. — Это ж просто куклы, как у Анютки. Но как же, я же видел, как они плясали да разговаривали!

Присел Кузя на край короба и призадумался, что же это на белом свете делается. Были человечки живые, а стали тряпочные.

— Наверное, злой дух их заколдовал. Душу вынул и себе в слуги взял! — решил Кузя.

И так страшно ему от этого стало, что убежал он поскорей, пока его злой волшебник не заметил.

Отбежал подальше, присел на сундучок и отдышаться не может. И понял Кузя, что достаточно он на сегодня повидал-пережил.

— Спасибо этому дому, пойдем к другому! — сказал домовенок и стал пробираться к своему родному кувшину.

Шел-шел, искал-искал и наконец увидел его. Стоит кувшин, расписными боками сверкает, собой гордится, как гора, над всеми возвышается. Обрадовался ему Кузя, будто дорогого друга увидел. Пробрался к кувшину, залез внутрь и сразу уснул крепким сном от усталости.

Долго ли, коротко ли, а проснулся Кузя. Услышал мерный стук копыт о дорогу и понял, что едут они домой. Понял Кузя, что уже соскучился по своей деревне, по лесу, по друзьям.

«Вот приеду домой завтра, со всеми поведу, всем расскажу, что я видел на ярмарке и что узнал», — размышлял Кузя. Помечтал немного и снова уснул.

Глава 4

Во чужой стороне

Когда он снова проснулся, тележка все еще бежала по дорожке. Удивился Кузя и снова заснул. И так повторялось несколько раз.

— Как мы долго едем! Я даже проголодался! — сказал домовенок и вспомнил, что у него за пазухой краюшка хлеба припасена.

Достал он душистую краюшку и с большим аппетитом ее съел. Съел и задумался, почему он столько уже спит, а домой они никак не приедут. И подумалось ему, что просто хозяин его решил домой по дальней дороге через Большое поле поехать, а заодно родственников проведать.

— Вот хорошо-то! В гости поедem — пирога поедим, — размечтался Кузя.

И только он так подумал, лошадка притопнула копытцем и остановилась.

— Ну, встречайте, хозяева, дорогих гостей! — закричал радостный Кузенька и вылез из кувшина.

Вылез, глядь вокруг, а место незнакомое.

— Куда меня завез, а? — крикнул Кузя хозяину.

Крикнул, а хозяин-то и не его. Его был с черной бородой да в синем кафтане, а этот — белобрысый да в коротких штанах.

— Ах ты, разбойник! Нашу телегу украл! Караул, караул, разбойники! — суетится Кузя и сундучок прячет. А вдруг кто на него по-

зарится да украдет? Как он своим родным в глаза посмотрит? Как он в родную деревню с позором вернется?

Смотрит Кузя — а лошадь-то и не их. У них лошадь была каурая со звездой во лбу, а эта — гнедая с мохнатыми копытцами. Пригорюнился Кузя и понял, что пока он по ярмарке гулял, кувшин-то продали! И страшно стало Кузе, и грустно. Куда его привезли, в какой стороне его родной дом — не знал теперь домовенок, не ведал. Сел Кузя на краешек и горько запричитал-заплакал:

— А-а-а, сиротинушка я несчастная! А-а, нету у меня отца-матери! Некуда мне голову приклони-и-ить!..

Поплакал-поплакал, а делать нечего — нужно из беды выкарабкиваться. Вытер Кузя слезы кулачком и стал по сторонам озираться. Увидел он, что привезли его в чужую деревню, на широкий двор. Во дворе стояли белые домики, гуляли важные гуси и бегал маленький щенок.

— Так, — решил Кузя, — раз здесь люди живут, значит, и домовые водятся. Пойду разыщу, дорогу спрошу.

Слез на землю и побежал со всех ног в сто-

рону дома. Пробрался в дверную щелку и — шмыг под веник. Отдышался, осмотрелся и видит: в доме чисто, аккуратно, хозяйка опрятная да улыбочивая.

— Эге, — сказал себе Кузя, — тут, как я погляжу, хороший домовой живет, домовитый. Нужно с ним подружиться-познакомиться.

Стал Кузя искать домового, да не нашел. Звал-звал — не дозволялся. Решил домовенок, что тот просто по дому всю работу сделал и к друзьям в соседнюю деревню ушел чай пить.

Закручинился Кузя. Что делать? Придется самому дорогу домой искать. Только прежде нужно подкрепиться. Подобрался Кузя поближе к столу да стащил себе кусок пирога, пока хозяйка отвернулась. Позавтракал пирогом с мясом, икнул, мордочку рукавом вытер, на три стороны поклонился и подался подобиру-поздорову дорогу домой искать.

Вышел во двор, а там гуси — большие и важные.

— Эй, гуси, — обратился к ним Кузя, — а скажите мне, в какой стороне речка Безымянка, на которой стоит деревенька, а в деревеньке — дом с русалками на ставнях?

Ничего не ответили гуси. Даже в его сторону не посмотрели.

— У, задаваки! — рассердился Кузя.

А гуси прошли мимо и вдруг начали маленького гусенка щипать-толкать. Гусенок плакал, а гуси гоготали.

— Не троньте маленького! — возмутился Кузя и давай в гусей камушками кидаться. Те испугались и давай улепетывать, только лапы засверкали.

Кузя подошел к гусенку и давай его утешать:

— Не плачь, маленький, не плачь, хорошенький!

Гусенок был маленький, тощенький, шея тонкая, глаза, как бусины. Стал он Кузе на свою горькую судьбу жаловаться. Рассказал,

что он некрасивый, а потому его даже родная мама не любит. Жалко

стало Кузе гусенка и решил он подарить ему немножко счастья из своего сундучка. Открыл его, искал и достал белое сверкающее перышко.

— На, — говорит, — тебе перо волшебной птицы на счастье. Оно тебе поможет вырасти большим и красивым. Только ты должен быть добрым и всем в беде помогать, иначе оно волшебную силу потеряет!

Обрадовался гусенок, на шею к домовенку бросился.

— Обещаю, что буду всегда добрым и честным! А чем я тебе за твою доброту отплатить могу?

— Ты местный житель, вот и расскажи, как до моего дому добраться?

— Я, — говорит гусенок, — еще маленький, я мало знаю. Тебе нужно в лес сходить у Деда Соснового совета спросить. Он большой, высокий, далеко глядит, много знает.

Поблагодарил домовенок гусенка, обнял его на прощанье и пошел к опушке леса, что виднелся неподалеку.

Глава 5

В бесконечном лесу

В лесу было хорошо. На кустах висели красные сладкие ягоды, яркие цветочки выглядывали из травы, крепкие грибочки поднимали шляпками траву. Кузя любовался — не мог насмотреться. Идет, песни распевает, ягодку за ягодкой в рот кладет.

— Эх, нет со мной Лешонка! Вот бы он поразовался такой красотище!

Только подумал, как трава зашевелилась, листочки задрожали — кто-то по лесу проби-
рался-шелестел. Доб-
рый или злой — не-
ясно. На всякий
случай Кузя спря-
тался за грибом и
сундучок свой спря-
тал. Один только
блестящий глаз ос-
тавил и одно только
круглое ухо выставил — чтобы все слышать
и все видеть.

Глядь — на поляну выползает змея боль-

шая да страшная. У Кузи аж коленки подогнулись.

— Все! Сейчас нападет и съест!

Зажмурился Кузя и мысленно со своими друзьями прощается. Думает — как же так? Баба-Яга не съела, а тут какая-то гадина ползучая слопает! Ждал Кузя, ждал, когда он в животе у змеи окажется. И не дождался. Тогда домовенок осторожноенько открыл один глаз. Потом — другой.

Смотрит — посреди поляны сидит на пеньке прекрасная девушка. Золотая коса у нее длинная-предлинная, вокруг пня три раза обвивается. Сама — красивая, но лицо грустное и глаза заплаканные.

— А куда змея делась? — удивился Кузенька.

Удивился и вдруг видит — у ног девушки змеиная шкура валяется. Съела она ее, что ли? Поудивлялся Кузя и решил на полянку выйти и у девушки обо всем спросить.

— Такая красивая не обидит! — осмелел домовенок и вышел из-за гриба.

Девушка увидела Кузю и так удивилась, что даже плакать перестала.

— Ты кто? Смешной такой! — спросила девушка Кузю.

— Это я-то смешной? Никакой я тебе не смешной, я — домовый, — поправил девушку Кузя.

Та только глазами своими зелеными хлопала.

— Ну, что смотришь? Домовых, что ли, не видела? — Кузя начал волноваться — может, у него рот весь в малине или в волосах сучок запутался?

— Не видела, — призналась девушка. — А кто это?

— Кто-кто! Домовые — это домовые. Без них в доме ни счастья, ни порядка. Потому как домовые только и могут за хозяйством следить, — объяснил Кузя странной девушке. — Ты мне лучше расскажи, куда змея

делась? Большая такая, страшная. Кустами тут шуршала, — осторожно поинтересовался Кузя.

— Это не змея шуршала. Это я шуршала, — загрустила девушка и ногой змеиную кожу пнула.

Кузя все понял. Он слышал, что такое случается. Посмотришь на человека — человек как человек. А потом окажется, что он по ночам в кошку превращается или в волка и безобразничает. А эта вот — в змею превращается. А девушка возьми и опять заплачь.

— Ну и что ты опять реवेशь? — возмутился Кузя. Не мог он терпеть, когда кто-то плачет.

— Как же мне не плакать? Я — лесного царя дочка. Только дочка непослушная. Говорил мне батюшка, не трогай волшебное кольцо. А я не послушалась и стала с кольцом тем играть. И вот — доигралась! — и снова в три ручья плачет.

Испугался Кузя, что она так весь лес затопит. Достал из кармана носовой платок, который ему бабка Настя вышивала, вытер царевне слезы, нос и велел дальше рассказывать.

Царевна повсхлипывала и продолжала:

— Волшебное кольцо помогает лесному царю превращаться в разных животных и птиц, везде летать и все знать. А я захотела в змею превратиться и свою няню напугать. Подползла к ней, а та как закричит, как завопит и — хватать меня веником! Я за дверь и вылетела. Я вылетела, а кольцо дома осталось. И теперь я как змея по лесу ползаю, только на час обратно превращаюсь. Домой вернуться не могу — заблудилась. А спросить не у кого — все меня боятся, разбегаются... — И снова закапали горькие слезы на зеленую траву.

Призадумался Кузя, как ей помочь. Думал-думал и придумал:

— Давай, — говорит, — я на дерево влезу и тебя с собой возьму. Ты вокруг посмотришь, да дом свой и найдешь. Только сначала в змею обратно превратись, а то ты тяжелая слишком.

— Ладно, — сказала царевна, — только отвернись, а то я стесняюсь.

Кузя глаза зажмурил крепко-крепко и слышит — треск, шум, гам. Затихло все. Домовенок глаза открыл и опять перед собой змею

увидел. Страшно было — вон она какая длинная да зубастая. А потом присмотрелся — а глаза у нее зеленые и грустные. Вздохнул Кузя, взял змею за хвост и обмотал вокруг себя, как праздничный кушак. Потом спрятал сундучок под грибок, мхом его окутал, травой прикрыл, чтобы никто не унес по ошибке, пока они со змеей на дерево будут лезть.

Поплевал Кузя на руки, примерился и полез по стволу. Хоть он и пухленький был, и ручки с ножками у него были коротенькие, а полз он ловко. Кряхтел-пыхтел, за ветки цеплялся, лаптями в сучки упирался. Лезли они долго, по дороге на ветках отдыхали, шишки потрошили да орешками закусывали. И вот, наконец, добрались они до самой верхушки, до самой тонкой ветки. Сел домовенок на эту ветку, а она гнется, качается, того и гляди Кузю сбросит.

— Смотри, — говорит Кузя змее, — быстрее, а то сейчас как упадем — костей не соберешь!

Змея свою маленькую головку вытянула и давай туда-сюда ею вертеть. Смотрела-смотрела и высмотрела.

— Вон, — говорит, — столетний дуб стоит, а на вершине дуба — гнездо орлиное. Под тем дубом — мой дом!

— Запоминай дорогу хорошенько, — сказал Кузя, — а то опять заблудишься.

— Теперь не заблужусь! — сказала дочка лесного царя.

Кузя заодно и сам огляделся — не видать ли дороги к родимому дому. Но хоть дерево и было царем всех деревьев в этом лесу, доставало верхушкой до самого неба, а все равно Кузя своего дома не увидел. Кругом был лес и

лес — темный, густой, до самого горизонта. Глядел домовенок, глядел, пока глаза не заглохло. Увидел только, как далеко-далеко речка между деревьями блеснула. «Может, это и есть речка Безымянка, в которой живут водяной да русалки?»

И отправились они в обратный путь. Только он им короче показался — ведь возвращались они с радостью.

Спустились они к корням дерева. Змея соскользнула на землю и стала Кузю хвалить-благодарить:

— Спасибо тебе, добрый домовой! Спас ты меня от верной гибели. Пойдем со мной во дворец к моему батюшке, то-то он будет рад!

— Нет, не могу, — отказался Кузя, — мне дорогу домой искать нужно.

— Тогда возьми вот эту чешуйку от моего хвоста. Если положишь ее под язычок, то сможешь понимать язык всех животных и сам разговаривать на их языке. А если ты сможешь говорить с каждым на его языке, то тебя в этом лесу никто никогда не обидит.

Кузя взял змеиную чешуйку, положил ее в свой волшебный сундучок. Сундучок сразу засветился волшебным светом и стал на-

игрывать веселую песенку. Значит, понравился ему подарок и стал он новую сказку сочинять, чтобы потом всем детям рассказать.

А Кузя взвалил поющий сундучок и под музыку зашагал через лес.

Глава 6

Жадный коротышка

Шел Кузя по лесу все дальше и дальше. И вдруг видит — впереди человечек маленький. Сам пузатый, ножки кривые, кафтан на нем зеленый, а на шапке — листок клевера. Обрадовался Кузя человечку — ведь он был таким же маленьким, как и домовенок, только борода у него была седая и глаза недобрые. Человечек кряхтел и что-то тяжелое и большое по лесу волок.

— Здравствуй, мил человек! — поздоровался вежливый домовенок.

Тот как испугается, как подпрыгнет, словно заяц! Повернулся к домовенку и спиной свою ношу загораживает.

— Ого, — удивился Кузя, — какой тяжелый у него волшебный сундучок! Наверное,

сказок в нем — видимо-невидимо. Подойду поближе. Познакомлюсь, может, со мной новой сказкой поделится, — и заспешил к человечку навстречу.

А человечек увидел Кузю, да как закричит:

— Не подходи! Все равно не отдам!

Кузя даже растерялся от неожиданности. Вот это да! Кому-то сказкой жалко поделиться.

— Не дашь — не надо, — примиряюще сказал Кузька. — Ты мне просто сказку расскажи, а я послушаю — уж очень я сказки слушать люблю.

— Какую сказку? — удивился человечек.

— Какую-какую! Волшебную, — ответил домовенок.

— Не знаю я, что это такое, — признался незнакомец.

— Не знаешь сказок? Бедный, — пожалел его Кузя. — Тогда слушай.

Сел домовенок на кочку и завел рассказ про жар-птицу волшебную и наливные яблочки, про царевича на сером волке да прекрасную царевну. Да так он хорошо это рассказывал, что человечек заслушался и ношу свою из-за спины уронил. А оказался это горшок с блестящими монетами.

Кузя увидел их и говорит:

— Вот так, как эти кружочки, и горело перо жар-птицы!

Человечек спохватился и давай монеты из травы собирать и обратно в горшок складывать.

— Что, — спрашивает у Кузи, — на меня уставился? Все равно моего золота не получишь!

— Не надо мне твоего золота, — ответил Кузя.

Он не знал, что встретился ему на пути жадный гном, который в лесу от людей клады

закапывает. Кто его поймает, тому он должен желание исполнить. Но Кузька об этом и не догадывался, а то бы попросил домой себя перенести. А хитрый гном тоже ему об этом не стал рассказывать. Он был не только жадным, но и ленивым к тому же.

Кузя решил и у этого странного человечка спросить, куда ему дальше путь держать. А человечек пыхтит, горшок тащит и его уже не слушает.

— Куда ты эту тяжесть волочешь? — спрашивает домовенок.

— Куда-куда! — проворчал он. — Туда, откуда радуга из земли вырастает.

Удивился домовенок. Он никогда не видел, как радуга из земли растет. Решил он тоже полюбоваться на это чудо чудное.

— Давай, — говорит, — я тебе помогу горшок тащить, а ты мне покажешь, как радуга рождается.

Гном недоверчиво посмотрел на Кузю. Может, он недоброе задумал? Возьмет и украдет его золото. Присмотрелся к нему повнимательнее: лицо доброе, волосы в разные стороны торчат, да еще и улыбается. Подумал гном и решил, что такой, наверное, и не знает, зачем золото нужно.

Гном был старый и устал таскать тяжелые горшки. А злой он стал оттого, что жизнь у него была — не сахар. Всю жизнь за ним жадные люди гонялись, добро его воровали, да еще и его норовили заставить их желания исполнять. Кому такое понравится? Почесал он голову под остроконечной шапкой, подумал и решил взять с собой Кузьку на волшебное место.

Тогда Кузя взялся за одну ручку кувшина, гном за другую, и потащили они горшок через кусты и колючки, чтобы радугу не пропустить. Долго ли, коротко, пришли они на поляну. А поляна — вся в волшебных цветочках и самоцветных камнях. Все сверкает разными цветами, переливается. Над каждым цветком вьется яркая бабочка, а под каждым лепестком — капелька росы. Кузя ахнул — никогда он не видел столько ярких красок.

— Вот тут и будет клад храниться, — сказал гном, — только не подглядывай.

И снова Кузе пришлось глаза зажмурить.

— Все, — вскоре сказал гном, — можешь смотреть.

Открыл Кузька глаза и увидел, что к полянке солнечный луч пробирается. Вот

выглянуло ясное солнышко из-за деревьев, осветило поляну. И сразу же все засверкало-заискрилось яркими огнями. Лепестки цветов и бабочки отражались в капельках росы, а те искрились разноцветными лучиками. Лучики эти смешивались со сверканием каменной-самоцветов, сплетались в яркие косы. А потом — неслись по ветру вслед за ярким солнцем, в голубое небо.

— Радуга! — прошептал домовенок.

И вправду — разноцветная радуга ярким мостиком повисла над сказочным лесом, на радость всем его жителям.

— Как красиво! — радовался Кузя тому, что он теперь знает, как рождается радуга.

Жадный гном даже заулыбался, глядя, как Кузька прыгает по поляне и купается в разноцветных лучах. Он раскрыл свой сундучок и поставил его под лучи — пусть набирается про запас. Когда солнышко ушло, радуга снова спряталась под разноцветными лепестками до следующего раза.

Гном подобрал с земли зеленый блестящий камешек и протянул его Кузе:

— Вот, возьми на память о старом гноме. Это камень-самоцвет. Если вдруг тебе станет

темно и страшно, достань этот камень — он осветит тебе дорогу.

Сказал так, хлопнул в ладоши и исчез. Только золотые искры в воздухе закружились.

— Ну вот, — огорчился домовенок, — я у него дорогу спросить не успел!

Вздохнул, оглянулся, положил камушек себе за пазуху и снова отправился в путь.

Глава 7

Крылья и смешинки

Идет Кузя все дальше в лес и думает: почему это ему в этом странном лесу народ все больше несчастный или злой попадается? И придумал. Ведь когда злой волшебник Бубу-ня радость у всех на земле отнял, Кузя ее только тем раздал, кого по дороге встретил. А сюда он не дошел, не добрался. Значит, здесь многие без радости остались.

— Во беда-беда, огорчение! — завздыхал домовенок.

Жаль ему стало местных жителей и стал он придумывать, как им помочь. Не успел

придумать. Услышал он тихий шепот и веселое хихиканье.

— Кто здесь? — спросил домовенок.

Опять кто-то задорно захихикал.

— Похоже, что кому-то в этом лесу и так радости хватает. Выходи — покажись, если хочешь — подружись, — предложил Кузя.

Смотрел-смотрел, да так и не увидел никого. Пожал плечами и дальше пошел. Не успел и шага шагнуть, как у него из-под ног из густой травы выпорхнула стайка стрекоз — не стрекоз, бабочек — не бабочек. Закружились вокруг Кузьки, защекотали его, как пузырьки.

Кузька испугался, руками машет, отплевывается. А они покружились-покружились, отлетели подальше и расселись на тонких веточках, закачались.

Пригляделся Кузька к ним и видит: сидят перед ним на ветке крошечные детки. Сами тоненькие, как былинки, волосы желтенькие, как пушок одуванчика, а за спиной прозрачные крылышки. Сидели чудные существа на ветках, хихикали звонкими, как колокольчик, голосами да на Кузьку своими худенькими ручками показывали:

— Смотрите, какой смешной!

— Смотрите, какой чудной!

— Туловище, как пивной бочонок!

— Глаза, как пуговицы!

— Волосы, как стог соломы!

— Рот, как у лягушонка!

— И крыльев нету! — и снова смеяться.

— И ничего смешного, — обиделся Кузя, со всех сторон себя осматривая.

Крылатые дети подлетели поближе. Самый шаловливый приземлился Кузьке на голову и стал там барахтаться в волосах. Кузя поймал его и сжал в кулачке. Остальные взвились-всполошились:

— Отпусти! Отпусти! — и стали виться вокруг домовенка.

Кузя посмотрел на того, кто у него был в ладошке. Существо смотрело на него испуганными глазами, а крылышки его дрожали. Домовенку стало жаль малыша и он разжал кулачок. Существо вспорхнуло и присело на листик.

— Спасибо! Спасибо! — хором застрекотали остальные.

— Вы кто? — спросил у беспокойных крылатиков Кузя.

— Мы — эльфы! — снова хором ответили они.

— А я — домовенок, — представился Кузя.

Эльфы снова запорхали вокруг. Они были от природы очень любопытны и набились домовенку за пазуху, в карманы, облепили сундучок, уселись на голову. А Кузя стоял и боялся пошевелиться — вдруг кого заденешь и обидишь.

Пострекотали так эльфы и разлетелись. Головы у них были маленькие и бестолковые, и они не могли долго интересоваться чем-то одним. Кузя посмотрел вслед и пошел за ними — вдруг эльфы его куда-нибудь да выведут. Только веселые эльфы летели быстро, а домовенок шел медленно и не успевал за ними. Да еще и сундучок, в котором волшебных историй заметно прибавилось, потяжелел и на плечи давил. И потерял Кузя из виду своих новых друзей, не слышит их веселый смех.

Догонял он, догонял, и вдруг слышит —

кто-то тихонько плачет и на помощь зовет. Прибавил домовенок шагу — опять в этом несчастном лесу что-то случилось. И видит вдруг своих знакомых эльфов. Только половина из них в паутину попала. Запутались в липких нитях, ни рукой пошевелить не могут, ни крыльями взмахнуть. А остальные эльфы вьются вокруг, плачут, а помочь не могут — сами запутаться боятся.

А по паутине уже толстый и важный паук ползет, к жертвам своим подбирается, мохнатые лапки потирает, радуется: вот какой сытный мне обед попался!

У Кузи даже коленки подкосились — как он за бедных эльфов испугался. Но домовенок был не промах — и не такое в жизни видеть приходилось. Как подпрыгнет к пауку, как подскочит:

— А ну, — говорит, — мохнатый! Убирайся отсюда! А то я сейчас с тобой буду сражаться!

Не понял Кузю паук, не послушался. Самым сильным он считал себя в этом лесу, а к тому же с утра не завтракал. Не мог же он так запросто со своей добычей распрощаться, первого встречного послушать! Ползет себе дальше, челюстями клацает — эльфов пугает.

— Ах, так! — разозлился Кузька.

Сжал свои крепенькие кулачки, да как даст пауку по голове! Тот удивился, глаза вытаращил, подумал-подумал и обратно в кусты пополз, ворча по дороге. Конечно, обидно от такой вкуснятины отказываться!

Уполз злой паук. Уползти-то он уполз, а эльфы все равно в паутине запутались. Болтаются на нитках, несчастные такие, головы свои светлые повесили.

— Потерпите, братцы, я сейчас вас выручу! — подбодрил Кузя своих маленьких друзей и стал осторожно распутывать паутину.

Много времени пришлось ему повозиться — пальцы у него были не такие ловкие, как у бабки Насти. Та быстро бы распутала эту липкую нитку. Но Кузя только морщил нос и старался. И, наконец, распутал всех.

Вспорхнули сразу эльфы пестрой стайкой, засмеялись, зарадовались. Стали носиться над Кузиной головой, крылья свои разминать. А Кузя стоял и в ладоши от радости хлопал. Потому что домовые ничему так не радуются, как порядку. А порядок такой — то, чему даны крылья, должно летать.

Попорхали эльфы вокруг Кузьмы, попищали, и отделился от них один самый красивый — с белыми крыльями и в красном кафтане. Сел на цветок перед Кузей и улыбается ему ласково.

— Я, — говорит, — принц эльфов. За то, что ты спас меня и мой народ от смерти, назначаю тебя почетным эльфом. В честь такого праздника могу тебе подарить все, что ты захочешь — желай!!!

Кузя даже растерялся от такой доброты. Что значит быть почетным эльфом? И что бы такого у этого симпатичного принца попросить?

— Спасибо тебе, на добром слове! — ответил домовенок земной поклон эльфу. — Только ничего мне от тебя не нужно. Расскажи ты мне лучше, как мне до дому добраться? По какой дорожке направить свои ножки?

И рассказал Кузя ему про речку Безымянку и про самый лучший домик на свете.

Удивился принц, задумался. Да и как не задуматься — таких чудных существ он еще в своей жизни не видел и не знал, где они водятся.

— Ничего я тебе, спаситель, подсказать не могу. Но могу дать тебе проводника до ближайшей речки — может, там твой дом? — сказал так и достал из-за пазухи маленького золотого светлячка.

Пошептал принц светлячку в уши незнакомые слова. Тот засиял еще сильнее, расправил свои крылышки и закружился над Кузиной головой.

«Ой! — подумал Кузька. — Так они меня сегодня совсем закружат!»

Поблагодарил он принца и распрощался с ним:

— Только впредь будьте аккуратнее — паук

так и остался голодным и злющим. Сейчас новую сетку сплетет — кто вас тогда выручит?

Сказал так и пошел вслед за светлячком через густые папоротники.

Глава 8

Подземелье

Идет дальше Кузя, сочиняет песни да орехи щелкает, которые по дороге нашел. С папоротников ему на макушку роса капает, вдалеке кукушка кукует, впереди светлячок сверкает. А в лесу все темнее и темнее становится — вечер уже настал. Только домовенок подумал, что пора бы и на ночлег устраиваться, чтобы в темноте не блуждать, как — ррраз! — и провалился в какую-то яму. Провалился, светлячок тревожно над ним кружится, крыльями трепещет, а помочь ничем не может.

Огляделся Кузя в яме, осмотрелся. Сухо здесь, уютно, дно мягким мхом выстлано.

— Ну, — сказал Кузя светлячку, — здесь и заночуем.

Положил под голову сундучок, укрылся .

листочком, светлячка в ухо положил и уснул крепким сном.

И снится Кузе чудесный сон. Будто плывет он на большом пироге по молочной реке, а вокруг — зефир в шоколаде плавает. А берега — из чистого мармелада. Плывет, от пирога кусочки отламывает, молоком из речки прихлебывает. Сверху на него град из леденцов сыплется. Из речки русалки ныривают и у каждой в руке — по петушку на палочке. И видит Кузя — впереди показался пригорок, а на пригорке — домик. А на крылечке сидят все его друзья и ему руками машут. Обрадовался домовенок — домой он приплыл! Стал грести к берегу — глядь, а пирог-то он весь и съел! Упал Кузька в воду, барахтался, барахтался — и проснулся.

Проснулся и понял, что скучает он по дому — нет мочи. И пришло непутевому домовенку в голову, что лучше дома — нет места на свете. Что зря он скучал и зевал от тоски, когда со своими друзьями встречался, — старый друг лучше новых двух.

— Ну, нагулялись, набаловались — пора и честь знать! — решил Кузя и в дорогу засобирался.

Засобирался и глядь — а он в яме! Посмотрел он на стенки — а они высокие да крутые — никак не выбраться. Старался, карабкался — никак. Да еще и сундук все тяжелее и тяжелее с каждым разом становился — никак не поднять.

Сел домовенок на сундучок, пригорюнился.

— Что же теперь мне тут — век вековать? Стану теперь вместо домового — ямным? Не согласен я на это, не согласен! Кто меня будет тут пирогом угощать, я спрашиваю? Я без пирога жить отказываюсь! — возмутился Кузька и даже ногой притопнул.

Возмущайся не возмущайся, а из ямы выбираться надо. А как? Стал Кузя думать и по яме взад-вперед бегать. Бегал-бегал и видит — а в яме-то нора! Подошел Кузька бочком, подкрался аккуратненько. А вдруг оттуда кто выскочит да схватит за бок? Заглянул Кузя в нору — темно, хоть глаз коли.

— Эй, кто здесь живет? Выходи, знакомиться будем! — прогудел Кузя в темноту.

Никто ему не ответил, даже эхо.

— Значит, хозяин ушел прогуляться — решил Кузя. Присел он возле норы и стал думать-размышлять:

— Если я в нору залезу, куда-нибудь я попаду. Это хорошо, потому что в яме мне сидеть надоело — скучно здесь. Если хозяина нет дома, то я посмотрю только — и назад. Вряд ли он обрадуется, что кто-то к нему в гости непрошено пожаловал. Разозлится — и съест меня. Нет, не пойду в нору! А если я здесь останусь, он все равно придет и меня съест. Куда ни кинь — всюду клин! А, была не была! Все равно пропадать! Пойду.

И пошел. Вошел в нору — а там тьма-тьмущая.

— Эх, мать честная! Как же тут идти-то? Я и ног своих не вижу. А коли ног не видно — как идти? — проворчал Кузька.

И вспомнил, что у него есть светлячок. Достал его из уха, потер рукавом, чтобы ярче блестел, и выпустил. Светлячок худо-бедно, да осветил Кузьке путь-дорогу.

— Вот так-то лучше! — обрадовался Кузьма, подбоченился и смело зашагал в темноту.

Нора сначала шла прямо, а потом вдруг запетляла, закружила. То вверх она пойдет, то вниз. Потолок то поднимется, то опустится. С него то корни свесятся, то камешки посыплются. Страшно Кузе, но что делать? Пути

назад нет. Зато вперед
пути еще — сколько
хочешь.

— Какая длинная
нора! — удивился Ку-
зя. — Просто змея ка-
кая-то, а не нора! А
вдруг это и вправду
змея? А я внутрь ее за-
лез и теперь не выберусь?

От этой мысли домо-
венку стало страшно-
страшно. А тут вдруг
и светлячок потуск-
нел. Помигал-помиг-
гал и погас. Ведь
светлячки не могут
долго гореть без
солнышка.

— Вот тебе и
здрасте, — остано-
вился в темноте Ку-
зя. — Как же я даль-
ше пойду?

Оглянулся — сзади
темно. И впереди —
тоже темно.

— Лучше бы в яме остался — там хоть солнышко видно! — заплакал домовенок.

Поплакал, слезы утер и стал думать да гадать, что же дальше делать. И вдруг видит — вдали что-то засветилось. Обрадовался Кузька, сундучок подхватил и бежать что есть мочи. Бежал-бежал, аж задохнулся. Свет все ближе, все ярче. Выбежал Кузьма в просторную пещеру. А в пещере — маленькие горбатые человечки. Не успел Кузя их рассмотреть, как бросились они на него, на землю повалили и на голову мешок надели.

— Вот это да! Не успели человека накормить, напоить, в баньке попарить и расспросить, а уже в жмурки играть вздумали! — удивился Кузька.

Но играть с ним никто и не думал, подняли его на ноги и повели куда-то. Кузька от страха в лямки от сундука вцепился мертвой хваткой — а вдруг отнимут? И только успел об этом подумать — стал кто-то у него сундучок волшебный со спины стаскивать. Кузька зубы стиснул, руки сжал — нельзя ему было с сундучком расставаться, последняя это надежда была и опора. Подергали-подергали за сундучок и перестали. Решили, видимо, что

тот к Кузьке намертво прирос, как домик к улитке.

Походили они все вместе, побродили и пришли куда-то. Остановились и стали железом греметь, ключами лязгать. Потом снова куда-то пошли. Шли-шли, шли-шли. И снова остановились. Тут почувствовал Кузя, что взяли его за белы рученьки и за быстры ноженьки и стали на них оковы тяжкие надевать.

— Куда?! А ну-ка, отпустите меня! Я не согласен! Я так не играю! — завопил домовенок.

Но держат его крепко, не отпускают. И на его крики не отвечают, только посмеиваются злобно и шипят, как ошпаренные кошки.

— Ну и гостеприимство в вашей стране! Ну и хлебосольство! Я к вам больше не пойду ни за какие коврижки. И друзьям своим строго-настрого запрещу даже приближаться к вашему страшному подземелью! — продолжал возмущаться домовенок, задыхаясь и чихая от пыли в мешке.

Наконец мешок с его головы сняли. Увидел домовенок, как плохи его дела. Вокруг стояли злые маленькие карлики, горбатые и

331

сморщенные. У каждого в руках была плетка-семихвостка, а изо рта торчал желтый клык. Приковали они Кузю к каменной стене на длинную тяжелую цепь.

— Эк, чего придумали! Что я вам, Тузик какой-то на цепи сидеть?

Только не стали его слушать карлики, а дали в руки тяжелую железяку и повели куда-то.

Привели в каменную шахту и заставили стену рубить —
камни-самодобы-
вать.

Плакал домовенок и причитал:

— Не буду я это делать! Не умею! Я лучше полы подмету да пшено переберу! Отпустите меня на солнышко, я вам пригожусь!

Только злобные карлики как глухие. Не слушают воплей, не жалобятся. Только плетками помахивают, грозятся. Стал Кузя железякой махать — а куда денешься?

Постояли рядом с ним мучители, головами покивали и отправились восвояси. Отошли они подальше, домовенок железку бросил, им вслед плюнул, сел и стал свою судьбу обдумывать.

А попал наш Кузя в рабство к злобным троллям, которые живут под землей, богатство копят и всему живому зло причиняют. А того, кто забредает к ним во владения, съедают вместе

с косточками или в рабство берут, на тяжелые работы отправляют.

Этого Кузька не знал. Но понял, что тут ему придется несладко — пирога не дадут и спать на перину не уложат. Поэтому надо на свободу выбираться — а как?

Вдруг смотрит — бегут мимо два странных зверька. Сами маленькие, лапки коротенькие и коготочками — цок-цок. Шерстка у зверьков густая да блестящая, ушки маленькие, мордочки хитрые, глазки блестят, а зубы длинные и острые. Бегут зверушки и друг с другом перепискиваются, будто разговаривают.

Стало Кузе интересно, о чем таком эти зверьки пищат — может, что полезное можно у них подслушать. Вспомнил о подарке дочки лесного царя, полез в сундучок, нашел там чешуйку и под язык ее положил. И правда — стал он разговор тех зверюшек понимать.

— Вот ужас-то! — говорит одна. — Скоро эти тролли все подземелье перекопают, нас всех на землю выселят!

— Ужас, ужас! — верещит вторая. — На земле нам — смерть!

— Вот еще одного работничка нашли. Вон

какой здоровый — быстро к нашему дому нору прокопает! — снова начала первая.

— И нам негде будет жить! Ужас-ужас! — отозвалась вторая.

— Я бы сам рад не копать, но меня злые карлики заставляют, — заговорил Кузя на их языке.

Зверюшки аж на месте подпрыгнули — так они удивились. Остановились на месте, свои умные мордочки на Кузю подняли и ждут, что он дальше скажет.

— Кто вы такие, милые зверьки? — спросил добрый Кузька.

— Мы — камнеедки! — хором отвечали они. — Мы точим камни и превращаем их в землю, чтобы деревьям было куда корни отращивать! Мы живем под землей, белого света боимся.

Тролли наши камни дробят и свои подземные замки из них строят. Так мы скоро совсем без работы останемся — как деревья в лесу расти будут?

— А зубы у вас крепкие? — засомневался Кузя.

— Крепкие, крепкие, — запищали камнеедки и в доказательство зубами защелкали-заклацали.

— А сможете вы вот эту цепь перегрызть?

— Конечно, сможем! — закивали головой зверьки. — А зачем?

— Перегрызете цепь — я уйду, и никто ваше жилище не тронет.

— Согласны, согласны! — запищали камнеедки и стали немедленно грызть тяжелую цепь.

Так они старательно это делали, что скрежет стоял и железные опилки вокруг разлетались. Кузя уже испугался, что на шум все тролли сбегутся. Но тут цепи жалобно звякнули и упали.

— Спасибо! — сказал Кузя и поспешил прочь.

Камнеедки помахали ему вслед лапками и тоже убрались подобру-поздорову. Никто не хотел с троллями встречаться. А Кузя бежал по коридорам без оглядки. Боялся он, что тролли за ним в погоню кинутся и за испорченную цепь с него спросят. Бежал по темно-

те, спотыкался, пока не устал и не упал замертво. Полежал, отдышался и думает — как же дальше из этого места выбираться? Узнать бы, в какую сторону идти. Да как узнаешь — темно опять. Ни лучика, ни искорки, ни звука.

Расстроился Кузя — снова неудача. И святлячок совсем потерялся. Вдруг чувствует — за пазухой словно печет что-то. Испугался домовенок, полез себе за шиворот. И вдруг нащупал там что-то маленькое и гладкое. Достал — а это камушек самоцветный, тот, что ему гном подарил. Камушек словно мысли Кузькины прочитал — светится зеленым огнем, переливается.

— Вот кто мне дорогу освещать будет! — обрадовался Кузя, поднял камушек повыше и пошел вперед.

Шел он долго, плутал по лабиринту, которому не было ни конца ни края. Но с зеленым камушком в руке идти было веселее — куда-нибудь да выйдешь.

Глава 9

Вниз по речке

И вдруг на нос Кузе упала огромная капля — бум! А потом еще две — бум-бум!

— Это еще что такое? — удивился домовенок, вытирая нос рукавом.

И тут вдруг под ногами — хлюп-хлюп — водичка. Присмотрелся Кузя: под ногами — лужи. Прислушался — неподалеку вода журчит. Побежал домовенок на звук и видит — подземный ручеек течет, песню напевает:

*Я ручеек, ручеек,
Я по камушкам — скок!*

— Если есть ручеек — будет и речка, — решил домовенок и вместе с веселым ручейком запрыгал по камушкам. Прыгал и подпевал, и видит вдруг — впереди засветлело. И вскоре вывел ручеек Кузю к белому свету да к быстрой реке.

— Уррра-а-а! — обрадовался домовенок солнышку, речке, лесу и свежему воздуху.

И давай плясать, подпрыгивать, в волнах плескаться, по песку кататься — вот как рад был домовенок! А когда устал, набегался, присел на теплый песок — дух перевести. Смотрит по сторонам и думает:

«Что-то не похоже на Безымянку. Наша речка — прямая да неспешная, а эта вон как быстро бежит, да еще и петляет все время. У нашей речки берега пологие да земляные, а тут все больше обрывы да камни. Нет, не наша это речка!» — решил Кузька.

Решил, а потом вспомнил, что ему дядька Водяной про жизнь речек рассказывал:

— Речки — они как люди. Сперва шумные да быстрые. А станут постарше, протекут подалее — и становятся важные да медленные. Поэтому одну речку не узнаешь, если по течению долго плыть.

— Ага! — подумал Кузьма. — Если долго плыть — можно и доплыть!

Подумать-то он подумал, но вот плыть на чем? Здесь, поди, Бабки-Яги корыто не плавают, а лодки с собой Кузька захватить не догадался. Осмотрелся Кузьма и видит — лежит на берегу башмак деревянный — большой-пребольшой.

— Вот мне и лодочка готова! — обрадовался Кузя.

Соорудил из вышитого платочка парус, надел его на палку, погрузил в кораблик сундучок, уперся ножками в землю, ручками в деревянный бок и кряхтит:

— Эх, раззудись плечо — подтолкни рука!

Кряхтел-кряхтел — и сдвинул свой корабль с места. Заскрипел тот по песку, зашуршал и в воду — плюх! А Кузьке только того и надо — прыгнул он в лодочку-долбленочку и поплыл.

Плывет, ладошками гребет, красотой любит. А красота и вправду ненаглядная — деревья высоченные, небо синее, а в воздухе водяная пыль висит — переливается на солнышке. Залюбовался Кузьма и сам не заметил, как вдруг его суденышко закрутилось-

завертелось и понеслось куда-то со страшной скоростью, аж в глазах все замелькало. И вокруг грохот стоит такой страшный, что уши закладывает. Кузька сидит в своем башмаке, головой крутит, как тот кукушонок — не поймет, что происходит. И что-то ему подсказывает, что добром все это не кончится. Втянул голову поглубже в плечи, руками прикрыл, сидит на дне башмака и причитает:

— Ой, беда-беда, огорчение!

Вдруг по дну заскрежетало что-то, лодочка дернулась и остановилась. Посидел Кузька, подождал, что дальше будет. Лодка стоит — не шевелится. Домовенок выглянул осторожненько и видит: вокруг одно только небо с облаками да водяные брызги. Как так? Высунулся Кузя, осмотрелся и ахнул. Висит его кораблик на самом краю какой-то коряжки, а под ним — целая река воды вниз падает. У домовенка даже голова закружилась — он такого в жизни не видел.

— Вот это да! В этом лесу даже речки неправильные!

Правильные-неправильные, а выбираться как-то нужно. А тут еще и лодка потихоньку стала поскрипывать да к краю коряги дви-

гаться. Забежал Кузя по дну, затопотал лапками:

— Ой, что же теперь будет? Ой, как же мне быть? Ой, что же мне теперь делать?

Переживал Кузя, беспокоился. И вдруг слышит сквозь грохот веселые голоса и смех. И тут — раз! — мимо него с шумом и брызгами пролетел кто-то и вниз прыгнул. Два! — и еще одно длинное тело прошумело рядом. Три! — и чешуйчатый хвост смахнул Кузькин башмачок-лодочку с коряжки. И лодочка стала небесной повозкой — полетела по воздуху быстро-быстро. Кузька высунул свою довольную мордочку из-за борта и кричит радостно:

— Лечуууу!

Летит и видит только лес и реку под собой и облака рядом-рядом. Хотел Кузька руку протянуть и кусочек небесной сладкой ваты оторвать. А лодка вдруг повернулась носом вниз и стала лететь к реке. И тут понял Кузя, что он не летит, а падает. Вот тут ему и стало по-настоящему страшно.

— Эх, прощай, молодая жизнь! Прощай, родная деревня! Прощайте... — Кузя летел

быстро и не успел попрощаться со своими друзьями.

И тут — шмяк-тарарах-пшшихх-буль-буль — влетел Кузькин кораблик в прозрачную воду. Кораблик — в одну сторону, Кузя — в другую, сундучок — в третью. Башмак был деревянный — он на волнах закачался. Сундучок был кованый — он на дно упал. А Кузька был живой, настоящий — он бултыхался, бултыхался, пузыри пускал. Руками машет — к воздуху выплывает. А тут вода за пазуху наберется, в лапти нальется — он опять тонет. Стал Кузя уставать и все реже видеть солнышко сквозь брызги. И тут его что-то как подбросит, как подкинет!

— Опять лечу! — думает Кузька.

Только он в воду стал обратно падать, как ему снизу опять — шмяк! — что-то мягкое. И снова Кузя полетел. Полетал он так немного и надоело ему.

«Дай-ка посмотрю, — думает, — кто это со мной так балует?»

Скосил глаза и видит — большие рыбы хвосты им, как мячиком, играют.

— Эй, рыбы! Отпустите меня — я не согласен больше летать! — кричит он рыбам.

Глядь — а это никакие и не рыбы. Это русалки — только очень большие.

— Русалки! — обрадовался Кузя. — Значит, до дома недалеко!

Поиграли с ним русалки и на берег выбросили, на мягкую траву-мураву.

— Русалки-русалки, — кричит им домовенок. — Далеко ли мне до дома?

А они посмотрели на него голубыми глазами и говорят:

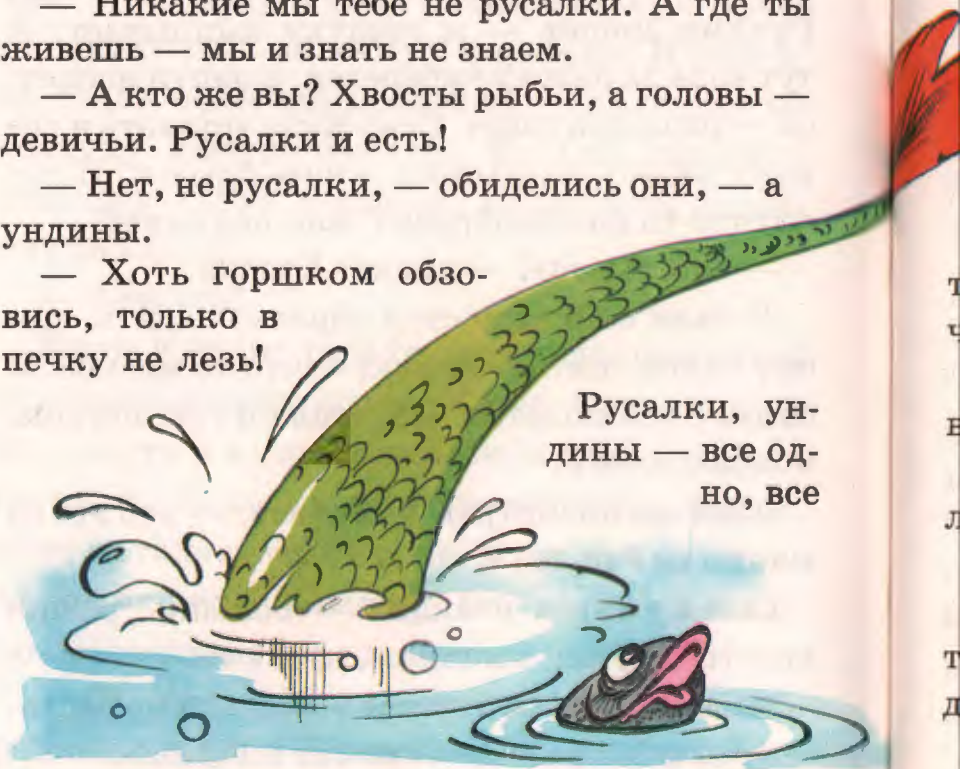
— Никакие мы тебе не русалки. А где ты живешь — мы и знать не знаем.

— А кто же вы? Хвосты рыбы, а головы — девичьи. Русалки и есть!

— Нет, не русалки, — обиделись они, — а ундины.

— Хоть горшком обзовись, только в печку не лезь!

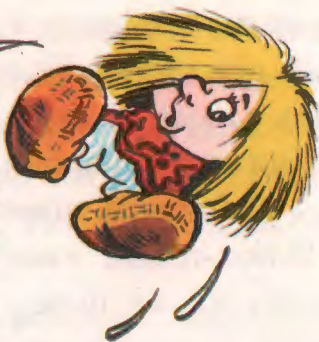
Русалки, ундины — все одно, все

едино! — ворчал Кузя. — Плавать-то все равно умеете!

— Плавать умеем, — согласились ундины и стали плавать, плескаться, в воде кувыраться.

— Плавать умеете, а нырять, поди, нет! — поддразнил ундин Кузя.

— Еще как умеем! — хором закричали они и принялись так нырять, что волны подняли.

Вынырнули — мокрые, довольные. Блестящими глазами на домовенка смотрят — что, мол, съел? А тот не унимается:

— Все равно — с закрытыми глазами, наверное, под водой плаваете.

— С открытыми, с открытыми! — возмутились нерусалки.

— А чем докажете?

Те закрутили головами, завертели, залопотали что-то — решают, как недоверчивому домовенку доказать, что все-то они умеют.

— Я придумал! — говорит Кузя. — Нырни-

те-ка вы под воду и найдите там на дне кованный сундучок. Если уж его найдете — спорить с вами не буду.

Ундины обрадовались:

— Смотри и учись! — говорят.

Плюх-плюх хвостами и ушли под воду. Долго их не было, Кузя даже заскучал. И вдруг выныривает самая молодая и самая быстрая:

— Нашла, нашла! — и в руке сундучок держит.

Подплыла к берегу и Кузе его отдала — убедись, мол.

— Спасибо вам, ундины! — поклонился домовенок. — Лучше вас я в этом лесу никого не встречал!

Ундинам эти слова очень понравились. Они все подплыли к домовенку и стали спрашивать, чем они могут ему помочь.

— Отвезите меня вниз по речке. Я слово волшебное знаю — пожалуйста! — попросил Кузя.

Ундины согласились. Одна посадила домовенка с его сундучком себе на плечи, и они поплыли. Плыли долго, останавливались на бережку переночевать, Кузькины ножки размять, кувшинок собрать да пообедать.

На берегах много интересного видели. Много людей, много зверей, много городов, много деревень. И речка вскоре стала медленная и широкая. Только вот родной деревни Кузя так и не увидел. Так проплыли они всю реку до самого конца.

Кузя загрустил, закручинился, заплакал:

— Как же я заблудился? Как же мне домой попасть?

А молодая ундина ему и говорит:

— Не плачь, а то вода соленая стала!

Взрослая ее подружка ей возражает:

— Он не виноват в том, что вода стала соленая и невкусная. Просто речка приблизилась к морю, вот вода и посолонела.

И вправду река стала широкой-преширокой. Такой широкой, что конца-края ей стало не видно — нет земли, одна вода. Высадили ундины Кузю на этом последнем берегу:

— Прости, дальше не поплывем. А то просолимся и засохнем!

Махнули напоследок хвостами и уплыли восвояси.

А Кузя стоит на берегу моря и не знает, куда дальше ему отправиться.

— Ну, все. Приплыли. Вот он — край света.

Дальше — нет ничего. Значит, я не в ту сторону плыл. Ой, голова моя садовая! Надо теперь обратно добираться! — загрустил домовенок.

Сел на камушек и стал смотреть, как волны морские на берег катятся. Посидел-посидел и видит — по волнам на большой рыбине бородатый человек плывет, а в руках у него — вилы для сена, только странные — прямые какие-то. Важный такой человек, видно — в этих местах его все знают и уважают.

— А если его знают, то и он все знает, — решил Кузя.

Взобрался на камень и руками стал размахивать, внимание привлекать.

Человек увидел Кузю, повернул свою рыбу и поближе подплыл — узнать, что ему надобно. Кузя представился человеку и пожаловался на свое горе.

Человек с вилами оказался морским царем, который этим морем управлял и все берега знал. Погладил царь седую бороду и пророкотал:

— Нет, домовенок, не видел я на берегах своего моря такой деревни. Только ты не грусти — за моим морем мир не заканчивается, и есть в нем другие берега и другие деревни. Тебе нужно дальше путешествовать.

— Как? — опечалился Кузька. — Смотри, какие у меня коротенькие ножки, какие маленькие ручки. Ни идти далеко, ни плыть долго я не смогу.

— Твоему горю я могу помочь, — ответил морской царь. — Видишь, тучи сгущаются, молнии блещут? Это надвигается буря страшная, шторм великий. Сейчас на море будут волны высокие, а в небе гром раздастся.

Кузя поежился:

— Страшно-то как!

— Не бойся. Эта гроза тебе поможет. Знаешь, откуда гром и молнии? Это по небу мчатся валькирии — небесные всадницы на своих черных лошадях. Лошади их копытами грохочут, подковами искры высекают.

— Ну и пусть себе скачут — мне-то что? — спросил Кузя, а сам дрожит от страха.

— А то, что эти всадницы везде летают, все знают. Может, они тебя и отвезут в родимый дом.

Сказал так и подхватил Кузю. У того аж дух захватило. А морской царь посадил домовенка на самую высокую волну и зашвырнул его высоко-высоко в небо. Подлетел Кузя выше облаков и видит: скачут лихие небесные всадницы, поют свои воинственные песни. Кузька изловчился и — прыг! — вцепился в хвост самой большой лошади.

И поскакали — только ветер в ушах свистит и сундучок по спине молотит. Кузька даже зажмурился — так страшно ржали за его спиной другие кони и так быстро проносились под копытами поля, леса и страны.

Не с зажмуренными глазами разве уви-

дишь
свою
родную
деревню?
Набрался Ку-
зя храбрости, от-
крыл глаза и смот-
рит вниз. Сам толь-
ко крепче в хвост
вцепился. Смотрит,
удивляется — до чего
прекрасна земля с такой вы-
соты! Все маленькое-малень-
кое, как игрушечное.

Любовался Кузя, удивлял-
ся. Много интересного увидел
внизу, много поучительного. И
вдруг смотрит и глазам своим не верит —

знакомая речка, знакомый лес. Вон и два домика Бабы-Яги — для хорошего настроения и для плохого. А вон болото, и по болоту кикиморы прыгают. А вон и домик — самый-самый лучший на свете!

— Ура-а! — закричал Кузя. — Домой прилетели!

Прилететь-то прилетели. Только вот всадникам было с Кузей не по пути — они на землю спускаться не собирались.

— Тпру! — закричал Кузя лошади.

Какое там! Разве до нее докричишься? Вон какой грохот и шум стоит. Да и до ушей этой лошади было — как до ярмарки на телеге.

Смотрит Кузя вниз с отчаяньем — деревня его все ближе и ближе. Вон и бабка Настя на порог вышла, руку к глазам приложила, на небо смотрит.

— Прощай-прощай, родимый дом! Унесут меня эти бешеные лошади далеко-далеко и бросят, косточек не соберешь! — запричитал домовенок.

И вдруг видит — его всадница шлем сняла и волосы распустила. А волосы у нее длинные-предлинные, до самой земли достают и

теплым дождиком сыплутся. Изловчился Кузя и схватил одну прядь, которая по ветру развевалась. Обхватил ее крепко-накрепко и соскользнул-полетел до самой земли.

Глава 10

Кузька возвращается

А в это время в деревеньке все ждали дождя. Ждали его с большим нетерпением. Ведь с тех пор, как пропал домовенок Кузька, все пошло наперекосяк.

Кудель перепутывалась, опара не поднималась, борщ прокисал, курицы не неслись, лошадки хромали. Да еще и лето выдалось засушливое — долго-долго дождя не было. Того и гляди, весь урожай сгорит под горячим солнышком.

Приуныли жители деревеньки. Затихли песни и смех, не стали по вечерам хороводы водить. На улице ходили неопрятные, с соседями не кланялись, а только хмурились.

Еще день дождя не будет — и погибнет урожай, который с таким трудом вырастили. И придет зима — долгая, злая, холодная. При-

ведет она с собой метели да пургу — ледяную ногу. А сзади приплетется костлявый голод. Страшно было всем и грустно.

— Чем же мы обидели домовеночка? — переживала бабка Настя.

Она уж и сливок в блюдечко наливала, и хлебушек с медом крошила. Все стоит нетронутое, а домовенка нет. В хозяйстве все тятляп, как ни старайся — не справишься. Грустили люди по домовенку, да что поделать? Нужно жить-поживать.

А сегодня увидели над горизонтом маленькое серое облачко. Все повыходили из домов, стали ждать — прилетит тучка с дождем или мимо пройдет? И видят — летит туча грозовая, черная. Гроном грозит и молниями плюется. Страшно! Но из такой тучки может и дождик пролиться.

Наползла туча на солнце, все небо закрыла. И тут — как ливанет! Дождик летний, теплый, щедрый полился на землю. Сразу

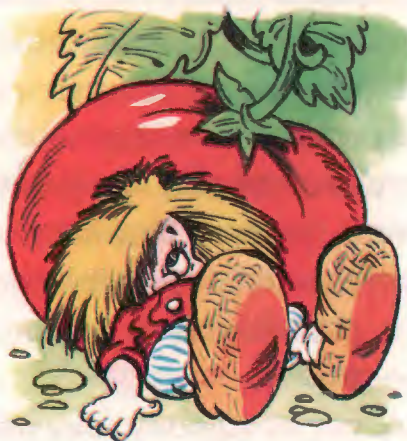
растения подняли свои листики, зазеленели. Сразу из речки вынырнули русалки и стали играть в салки. И даже кикиморы на болотах захлюпали по грязи, зачавкали.

А дети выскочили на дорогу и стали бегать-резвиться, по лужам голыми ногами шлепать. Всем принес дождик радость.

И так все были заняты дождем, что никто и не заметил, как с неба верхом на блестящей дождевой капле на землю шлепнулся маленький домовеночек с маленьким сундучком. Упал на большой капустный лист в свой собственный огород и отлетел в грядку с помидорами. Стукнулся головой о крепкий помидорный бок, тот даже зазвенел.

Лежит Кузька, не дышит, ножкой-ручкой не колышет. Открыл глаза, смотрит на небо, а отсюда — капли большущие летят и ему прямо в нос метят.

Подскочил Кузенька и заверещал, как заяка:

— Не трогайте мой нос! Он у меня махонький, кнопочкой, а вы вон какие большие да мокрые!

Но дождевики не слушали его, а все по листьям шлепали — шлеп! шлеп! В темечко домоуенку — бум! бум! В бочку у забора — кап! кап!

Кузька спрятался под деревом — смотрит вокруг и глазам своим не может поверить. Вот же он — родной огород! Вон и грядка с капустой — только кочаны на ней большие стали. А вон и кот Тимофеич как ошпаренный от дождя убегает, толстыми лапами перебирает.

— Ура-а! — обрадовался Кузя. — Я дома!

Подхватил свой сундучок и вприпрыжку по лужам поскакал к домику с русалками на ставнях. И даже дождик не мог его испугать.

Прибежал, вспрыгнул на крыльцо. С крыльца — в сени, из сеней — в горницу, а оттуда до печки — рукой подать. А за печкой тепло, уютно. Прижался Кузька к печкиному горячему бочку, свернулся клубочком, как шаловливый котенок, и уснул крепко-крепко.

А когда проснулся, понял, что вот теперь

он действительно самый счастливый домовенок на свете.

Бабка Настя вернулась домой и видит: коврижка пропала, а вместо перепутанных ниток в корзинке аккуратненько лежат смотанные клубочки — круглые-прекруглые, пушистые-препушистые.

— Никак домовенок наш вернулся! — ахнула бабка Настя. — Наверное, это он за дождем за три моря ходил, — решила она и налила домовенку в блюдечко свежего парного молочка — пусть порадуется.

Вскоре слух о том, что вернулся домовенок Кузя, разнесся далеко-далеко и достиг дальней деревеньки, в которой жили все Кузькины друзья. Услыхали домовые эту новость и засобирались в путь-дорогу — домовенка повидать да волшебные истории про его странствия послушать.

Приходят в Кузькину деревню, а у его дома — целая толпа собралась. Протолкались домовые и видят: сидит Кузя в новой красной рубахе и чай из блюдечка пьет, сахарком прикусывает. А сам — важный-важный.

— Ну-ка, Кузьма, — говорит кто-то, — Расскажи-ка нам, где был, что видел?

Кузька чаю прихлебнул, сахарком похрустел и говорит:

— А дело было так. Собрались мы как-то со своим хозяином на ярмарку — людей посмотреть, себя показать. Меня хозяин в расписные дорожные хоромы поселил, а сам на телеге поехал. Приехали, а там народу — тьмища, товаров — тыща. И всякие чудные вещи происходят. Смотрю я...

— Не, Кузьма, ты нам про это не рассказывай — мы на ярмарке были! — перебили домовенка. — Ты нам про чудищ расскажи.

Кузька важно так кивает:

— Ну, про чудищ — так про чудищ. Всяких разных я видал. И с человеческой головой, и со змеиным телом, и с тремя хвостами. А еще со змеиной головой, человеческим телом да с копытами. Видал и людей летучих, и людей-коров. Они землю едят, а драгоценные камни выплевывают. А русалки тамошние — с корову величиной. Глаза — как плоски, хвосты — как деревья, а вместо рук — клешни, как у рака!

— Врешь!

— Да нет, правда! А еще один чудака для меня там клад закопал с золотыми монетами на

поляне, где радуга рождается. «Возьми, — говорит, — горшок с деньгами — выручи меня, старого». Я отказался — у самого вон ноша. Тогда он с отчаянья горшок в землю закопал и велел мне за ним вернуться. Только я не пойду — мне этого добра и даром не надо, и с деньгами не надо!

— Про дождь расскажи! — снова просит кто-то.

— А что рассказывать? Взял я стадо небесных коров и погнал в деревню. А здесь подоил и сам — ррраз! — на землю спрыгнул.

— Так ты об землю ударился — вот и в уме повредился! — засмеялись все.

— Не любо — не слушай, а врать не мешай! — обиделся Кузя. — А меня слушать не хотите — сундучок послушайте!

Сказал так Кузя и положил в сундучок волшебную чешуйку из хвоста волшебной змеи да чудесный камешек-самоцвет, который ему гном подарил. Помолчал сундучок, подумал и завел красивую песенку. А когда пропел он ее, начал рассказывать волшебные сказки и невероятные истории. Про гномов и троллей, про эльфов и ундин, про подземелье и про реку, и конечно — про небесных всадниц.

Все слушали эту историю и дивились — сколько, оказывается, чудес на свете!

А пока все стояли раскрыв рот, Кузя потихоньку с табуретки сполз, своих друзей за руки взял и к себе в гости их повел.

Усадил за печкой, налил душистого чаю, раздал каждому по ватрушке с творогом и сказал:

— Угощайтесь, гости дорогие, мне на радость, вам — на удовольствие!

И стали они чай пить и друг другу о жизни рассказывать. А Вуколочка у домовенка и спрашивает:

— Ну что, Кузенька, повидал большой мир, походил по белу свету?

— Повидал, — соглашается Кузя. — Только вот в гостях хорошо, а дома — все равно лучше!

И все с ним согласились.

А когда допили чай и все крошки даже доели, засобирались гости домой, в свою родную деревню. Кузя проводил их до околицы и долго-долго махал вслед рукой. Он так соскучился, что отпускать своих друзей-домовых ему не хотелось. Но что поделать — дела!

Когда они скрылись из виду совсем, Кузька побежал под горку по мокрой траве, на кочках подпрыгивая, на камушках спотыкаясь. Прибежал он в свой родной лес, стал ходить от дерева к дереву, со всеми здороваться. Лес тоже шумел домовенку в ответ своими листьями — он тоже соскучился.

Только не за этим пришел сюда домовенок.

— Лешенок! — прокричал Кузя в глубь леса, сложив у рта ладошки.

Покричал-покричал, умаялся. Где же Лешенок, что не отзывается? Только так подумал — а тут и Лешенок из лесу на зов выбегает. Сам весь зелененький, пушистенный, а на макушке дубовые листья развеваются.

Содержание

Глава 1.

Обычные дела 5

Глава 2.

Большой мир 12

Глава 3.

Ярмарка 19

Глава 4.

Во чужой стороне 27

Глава 5.

В бесконечном лесу 33

Глава 6.

Жадный коротышка 41

Глава 7.

Крылья и смешинки 47

Глава 8.

Подземелье 55

Глава 9.

Вниз по речке 68

Глава 10.

Кузька возвращается 83

Для дошкольного и младшего школьного возраста

Галина Владимировна Александрова

ПУТЕШЕСТВИЕ ДОМОВЕНКА КУЗЬКИ

Сказочная повесть

Художник А. Шахгелдян

Редактор *М. Калугина*
Художественный редактор *А. Вовикова*
Компьютерная верстка *А. Петрушкиной*
Корректор *Н. Бучарова*

Подписано в печать 25.12.02. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 6.
Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 12 000 экз. Заказ № 3975.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.
(Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

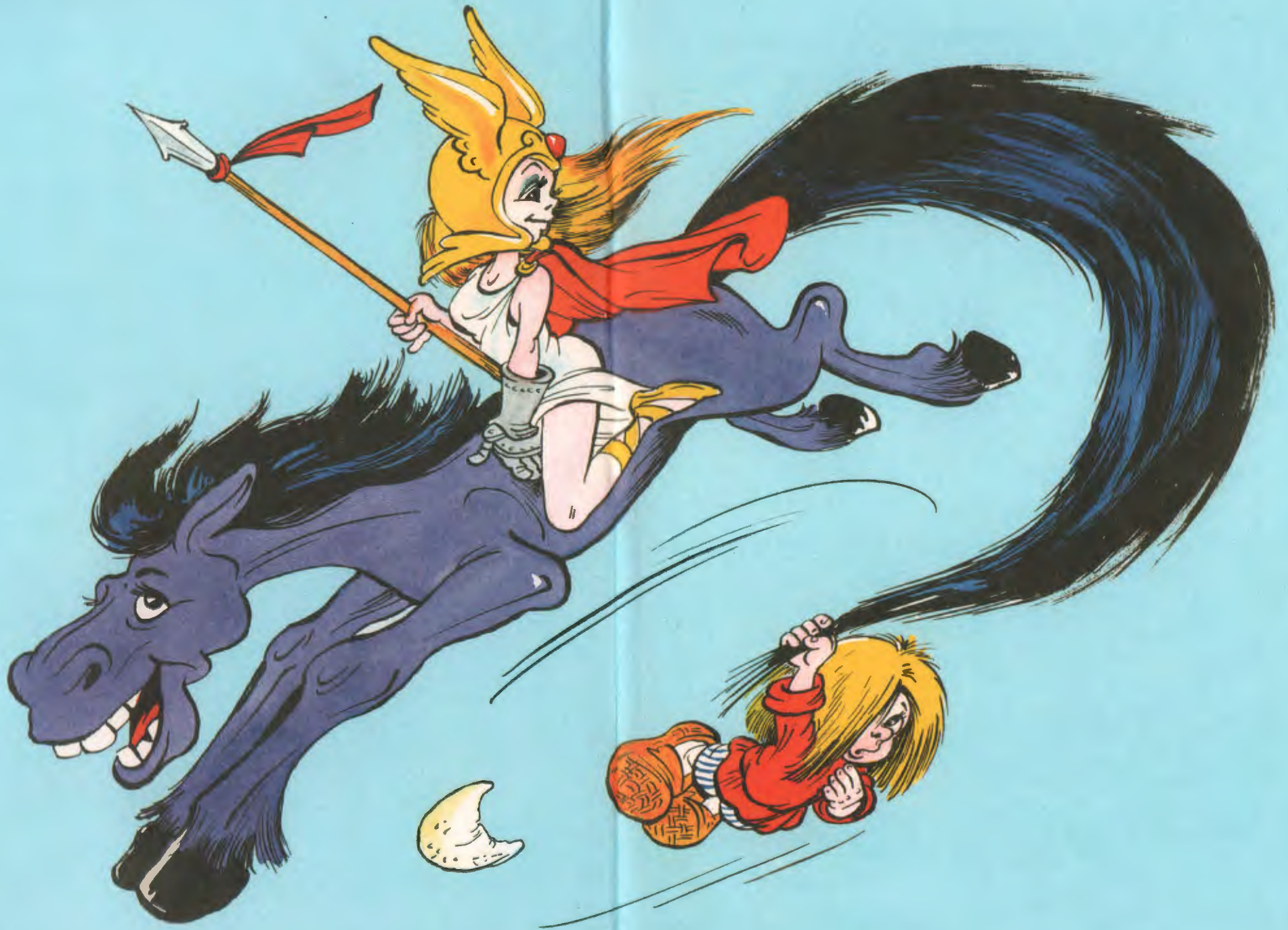

Телефоны для реализации:
(095) 268-33-90, (0872) 41-06-37

107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

*Видит Кузька —
змея ползёт большая
да страшная.*

*Зажмурился он от страха
и мысленно с друзьями прощается.
Ждал он ждал, когда в животе
у змеи окажется,
да не дождался...*

